Губернаторъ добраго стараго времени.

Воспоминанія старожила.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ военнымъ губернаторомъ въ Казани былъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Григорьевичъ Жевановъ, человѣкъ пожилой, до фанатизма религіозный, святой честности, безпристрастно правдивый и до безпредѣльности кроткій; онъ неизмѣнно держался домашней семейной жизни и чуждался общества, оффиціальныя поздравленія въ торжественные дни принималъ обыкновенно въ церкви, куда постоянно являлся очень рано, а у себя принималъ только лицъ, являвшихся къ нему по дѣламъ службы или съ прошеніями. День у него начинался очень поздно, а оканчивался очень рано, начинались сумерки и занимаемый губернаторомъ старинный ханскій дворецъ уже дремалъ во мракѣ.—Супруга его Марья Петровна, сравнительно молодая особа, имѣвшая двухъ малолѣтнихъ сыновей, еще принимала кой-кого изъ дамъ высшаго казанскаго общества, но пріемы эти были рѣдки и кратковременны.

Единственнымъ приближеннымъ и довѣреннымъ лицемъ губернатора былъ его личный адъютантъ Александръ Карловичъ Оливей,

крайнѣ вкрадчивый, хитрый и беззастѣнчивый,—онъ ловко пользовался своимъ вполнѣ благопріятнымъ положеніемъ и, прибывъ въ Казань налегкѣ, черезъ шесть лѣтъ уѣхалъ оттуда въ изящномъ, тучно нагруженномъ тарантасѣ, которыми Казань тогда славилась; Оливей оставилъ Казань человѣкомъ обезпеченнымъ.

Казань и въ то время уже была большимъ многолюднымъ городомъ, но изъ многочисленнаго казанскаго дворянства тамъ проживали очень немногіе, кромѣ тѣхъ, которые тамъ служили. Царившая въ Казани утомительная скука не манила помѣщиковъ въ губернскій городъ, изъ которыхъ нѣкоторые жили въ Москвѣ или Петербургѣ, а большая часть прозябала въ своихъ помѣстьяхъ, изъ коихъ иныя были очень комфортабельныя.

Общество Казани было чрезвычайно разнохарактерное и до крайности разъединенное; оно состояло изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ кружковъ: карты и вакханалія составляли главное ихъ развлеченіе, а у помѣщиковъ, не говоря о повсемѣстной шумной охотѣ по порошѣ и лѣтомъ, затѣвались буйныя охоты на одичавшихъ свиней, во множествѣ водившихся въ обширныхъ тогда казенныхъ дубовыхъ рощахъ, да еще катанье на самодѣльныхъ большихъ лодкахъ по Волгѣ, но преимущественно по не менѣе просторной Камѣ. Лодки эти въ кормовой части устилались коврами, на которыхъ неизмѣнно дымилась постоянная спутница катающихся жженка, а на носу былъ фальконетъ либо мортирка; дюжина хмѣльныхъ гребцовъ не складно во все горло ревѣла разныя пѣсни, а господа наслаждались.—На скромнаго зрителя это производило удручающее впечатлѣніе, но нѣкоторые помѣщики какъ-бы поощряли такое развлеченіе. Въ 80 верстахъ отъ Казани по оренбургскому тракту есть село Шуранъ, въ которомъ тогда на крутизнахъ надъ Камою живописно красовался хорошо сохранившійся древній готическій замокъ, обнесенный зубчатою стѣною съ амбразурами, изъ которыхъ торчало нѣсколько старыхъ чугунныхъ пушекъ. Катающіеся на лодкахъ имѣли обычай, проходя мимо помѣщичьихъ имѣній, палить, и лишь до обитателей замка доходилъ грохотъ этой пальбы, какъ со стѣнки раздавались отвѣтные салюты, что̀ особенно казалось для иныхъ страннымъ потому, что̀ владѣлецъ Шурана былъ уже человѣкъ пожилой, заслуженный, богатый, скромный, образованный и отецъ многочисленнаго прекраснѣйшаго семейства, это былъ Григорій Петровичъ Дембровскій, пользовавшійся въ губерніи всеобщимъ уваженіемъ.—А когда катающіеся поднимались по Камѣ выше села Шурана и достигали села Шумбутъ, тоже высоко расположеннаго на

горѣ, и опять палили. то владѣлецъ того села и вмѣстѣ съ тѣмъ винокуренный заводчикъ. постоянно на лѣто пріѣзжавшій въ это имѣніе, камергеръ Николай Ѳедоровичъ Кандолинцевъ, человѣкъ богатый и холостой. слыша грохотъ пушки катающихся, звалъ своего дворецкаго Парунова и говорилъ ему: „Николай. спусти подъ гору ведро водки. чтобы пѣсельники промочили свои глотки", и эта шумящая разнузданная орава такую посылку принимала не только безъ застѣнчивости, но даже съ радостію и благодарностію.

Лѣто у помѣщиковъ проходило такъ себѣ, кое-какъ. но на продолжительную суровую казанскую зиму нѣкоторые изъ болѣе состоятельныхъ старались привлекать къ себѣ въ усадьбы разный пролетаріатъ безъ особо строгаго выбора, чѣмъ особенно выдавались владѣлецъ села Елани бездѣтный генералъ-отъ-инфантеріи Владиміръ Ѳедоровичъ Желтухинъ. Самъ по себѣ это была сущая креатура знаменитаго Аракчеева, но онъ былъ богатъ, любилъ играть въ карты, вѣчно проигрывалъ, велъ жизнь роскошную. и пролетаріи, снося его тяжелый характеръ, на зиму были жизнію обезпечены. Но главною приманкою его гостепріимства была въ высшей степени симпатичная его супруга Татьяна Петровна, умѣвшая сразу всѣхъ приковывать къ себѣ.

Подробно Желтухину гостями на зиму запасалась помѣщица кавалерственная дама Марья Ѳедотовна Донаурова, но составъ ея гостей исключительно былъ изъ женскаго персонала, она была очень богата и жизнь проводила свѣтло.

Были и другіе помѣщики, запасавшіеся на зиму гостями, но ихъ число и число ими приглашаемыхъ было такъ ничтожно, что и вспоминать объ нихъ не стоитъ.

Наводившій на всѣхъ тоску и уныніе казанскій военный губернаторъ Жевановъ въ 1832 г. скончался, и на мѣсто его назначенъ былъ совершенный ему контрастъ генералъ-лейтенантъ Степанъ Степановичъ Стрекаловъ; онъ изъ рода знатныхъ дворянъ Черниговской губерніи, предки котораго въ очень отдаленное время выселились туда изъ бывшей Запорожской Сѣчи. Отъ природы нѣжный и ласковый, онъ съ ранняго дѣтства получилъ изящное домашнее воспитаніе, оконченное имъ въ Пажескомъ корпусѣ. Въ юности бывалъ нерѣдко приглашаемъ къ великому князю Александру Павловичу, съ которымъ былъ почти ровесникомъ, и къ нему крайне была милостива великая княгиня Марія Ѳеодоровна, которая, узнавъ, что онъ круглый сирота, принимала въ немъ самое живое участіе,

каковое потомъ распространилось на Стрекалова и со стороны всѣхъ лицъ царствующаго дома.

Отецъ Стрекалова, дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Ѳедоровичъ былъ просвѣщенный дѣятель царствованія Екатерины II-й. Онъ былъ землякомъ и усерднымъ сотрудникомъ геніальнаго государственнаго канцлера свѣтлѣйшаго Александра Андреевича Безбородко, обезсмертившаго свое и безъ того славное имя заключеніемъ въ 1791 г. замѣчательнаго Ясскаго мирнаго договора и пользовавшагося дружбою императора Павла I-го.

Какъ богатый и паркетный молодой человѣкъ, онъ служилъ въ тогдашней блестящей гвардіи, а потому имѣлъ возможность часто бывать при высочайшемъ дворѣ, отъ котораго удостоился приглашенія являться безъ обычныхъ гофмаршальскихъ извѣщеній и начальствующихъ назначеній (нарядовъ). Это была весьма высокая и рѣдкая честь, которою пользовались очень немногіе избранные. Съ особеннымъ чувствомъ высокаго благоговѣнія всегда отзывался Стрекаловъ объ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, благосклонно разрѣшившей ему представляться къ ея величеству безъ существовавшихъ тогда формальностей.

При вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, Стрекаловъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ слѣдъ за симъ, по приглашенію, искренне къ нему расположеннаго, генералъ-фельдмаршала графа Паскевича, назначеннаго кавказскимъ главнокомандующимъ, онъ отправился туда, гдѣ и занялъ постъ отряднаго командира, въ каковомъ званіи и совершилъ нѣсколько экспедицій безъ особыхъ послѣдствій, но въ 1831 году десятитысячный отрядъ Стрекалова почти весь былъ вырѣзанъ горцами, и онъ съ небольшою партіею спасшихся и своимъ штабомъ огорченный предсталъ съ повинною передъ главнокомандующимъ, принявшимъ всю вину несчастія на себя.

Паскевичъ ходатайствовалъ у императора, прося пятидесятилѣтнему старику Стрекалову дать спокойное назначеніе. Въ это самое время, какъ разъ оказался вакантный постъ казанскаго военнаго губернатора, каковой постъ и занялъ Стрекаловъ, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты и съ сохраненіемъ въ его новомъ положеніи бывшаго при немъ штаба, по званію кавказскаго отряднаго командира.

Постъ этотъ въ то время считался весьма почетнымъ потому, что бывшее тогда многочисленное щепетильное казанское дворянство въ средѣ своей имѣло большое число значительныхъ лицъ, которыя по личному своему положенію могли съ уваженіемъ относиться только

къ такому губернатору, въ которомъ бы они видѣли лицо заслуженное, высокопоставленное, лицо съ вѣсомъ, каковое настроенiе казанскаго дворянства было хорошо извѣстно въ высшихъ сферахъ, гдѣ и признавалось подлежащимъ удовлетворенiю.

Стрекаловъ былъ семейный, во время его нахожденiя на Кавказѣ семейство его жило въ Москвѣ, гдѣ и вело свѣтскую жизнь; въ Казань онъ прiѣхалъ вдовцемъ съ тремя взрослыми дочерьми, изъ которыхъ одна была фрейлиною, и съ сыномъ камеръ-юнкеромъ. Стрекаловъ была личность вполнѣ свѣтская, имѣя только пятьдесятъ лѣтъ, онъ былъ полонъ жизни, любилъ общество и, какъ человѣкъ богатый, былъ очень радушный хозяинъ. Вообще это былъ баринъ широкой руки.

Съ самаго своего прiѣзда въ Казань Стрекаловъ умѣлъ соединить тамошнее разрозненное общество, частыми, блестящими и радушными прiемами, онъ сблизилъ отдѣльные кружки, своею изящною деликатностью Стрекаловъ положилъ конецъ оргiямъ и буйнымъ развлеченiямъ, ввелъ оффицiальные балы тезоименитства императора и рожденiя наслѣдника, на эти собранiя онъ являлся въ полной парадной формѣ во всѣхъ своихъ регалiяхъ и окруженный своимъ блестящимъ штабомъ, чтò крайне нравилось и веселило все казанское общество.

Стрекаловъ сильно способствовалъ устройству театра, для котораго исходатайствовалъ субсидiю съ правомъ называться императорскимъ театромъ, гдѣ и была царская ложа, а прислуга состояла изъ капельдинеровъ въ придворной ливреѣ, короче сказать, Стрекаловъ оживилъ, пересоздалъ Казань до того, что даже именитые татары добивались абонемента на ложи, получивъ каковые, отдѣлывали ихъ по-своему и у зрительныхъ отверстiй устраивали изящныя рѣшетки и иныя драпировки, подъ защитою которыхъ никто бы не могъ видѣть ихъ женъ.

Стрекаловъ, узнавъ, что среди студентовъ тамошняго университета есть нѣсколько любителей музыки, которыми между собою сформированъ оркестръ, то Степанъ Степановичъ чрезъ своихъ приближенныхъ склонилъ студентовъ дать концертъ въ пользу ихъ недостаточныхъ товарищей, каковой и состоялся въ конференцъ-залѣ университета, при участiи губернатора. Всѣ билеты были быстро разобраны и концертъ имѣлъ колоссальный, нравственный и матерiальный успѣхъ; по окончанiи концерта Стрекаловъ лично благодарилъ всѣхъ участниковъ и пригласилъ ихъ всѣхъ къ себѣ обѣдать. Въ это время одинъ изъ участниковъ студентъ, подойдя къ губернатору, очень наивно объявилъ ему, что онъ мусульманинъ и обѣ-

дать у него не можетъ, но Стрекаловъ замѣтилъ среди публики татарскаго городского голову Апакова и просилъ его пригласить на обѣдъ вышеозначеннаго студента.

Въ то время въ Казани были двѣ городскія думы: русская и татарская, а потому и два городскихъ головы. По окончаніи концерта студенты, бывшіе въ числѣ публики, почтительно просили Стрекалова, сѣсть на кресло, и онъ уважилъ ихъ желаніе, моментально кресло было поднято и студенты бережно донесли Стрекалова до его кареты.

За городомъ, верстахъ въ трехъ отъ Казани существуетъ живописная мѣстность, называемая Швейцарія, которая въ вѣковѣчныя времена находилась въ первобытномъ состояніи. Услыша о семъ, Стрекаловъ оживилъ этотъ пустынный уголокъ, гдѣ и устроилось любимое казанцами загородное гулянье.

Съ самаго своего прибытія въ Казань Степанъ Степановичъ пріобрѣлъ всеобщее искреннее уваженіе, что̀ рѣшительно всѣми сословіями и засвидѣтельствовано было въ 1836 г. при посѣщеніи наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, который тогда же въ многочисленномъ собраніи мѣстной знати соизволилъ торжественно лично отъ имени его императорскаго величества вручить генералъ-лейтенанту Стрекалову генералъ-адъютантскій шифръ и эксельбанты, поздравивъ почтеннаго ветерана съ особою монаршею милостію.

Будучи во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ превосходнѣйшею личностью, Стрекаловъ въ то же время вовсе не былъ администраторомъ и по отзыву многихъ казанская губернія управлялась тремя приближенными къ нему лицами, а именно: правителемъ канцеляріи, опытнымъ, дѣльнымъ и настойчивымъ Алашѣевымъ, полицеймейстеромъ Полемъ, находившимъ наслажденіе во всякаго рода экзекуціяхъ, и губернскимъ архитекторомъ Петонди, страстно любившимъ производить всякаго рода постройки и ремонтировки, на что будто бы Стрекаловъ смотрѣлъ на распашку, беззаботно, даже вовсе не обращалъ никакого вниманія. Для уясненія продолженія сего разсказа, считаю необходимымъ пояснить, что Стрекаловъ имѣлъ двѣ неизмѣнныя привычки, первая—что онъ безпрестанно крутилъ лѣвый усъ и потомъ, чтобы онъ ни начиналъ говорить, непремѣнно прежде произносилъ слово тово,—шло или нѣтъ оно къ дѣлу.

Въ 1840 году у Стрекалова былъ очень многочисленный именинный обѣдъ. Занявъ свое обычное мѣсто, онъ, снявъ съ салфетки подаренное ему въ тотъ день изящное кольцо, готовился развернуть оную, какъ оттуда прямо на тарелку выпала бумажка, нѣсколько болѣе осьмушки обыкновеннаго писчаго листа. Имениникъ,

надѣвъ лорнетъ. сталъ разсматривать ту бумажку. физіономія его приняла веселое выраженіе и онъ громко произнесъ: „сегодня отъ дѣтей и друзей своихъ я много получилъ прелестнѣйшихъ подарковъ, но вотъ этотъ лучше всѣхъ. крайне сожалѣю. что не знаю. кого именно мнѣ благодарить и отдарить. полюбуйтесь, дорогіе гости“ И онъ передалъ бумажку сосѣду. которая потомъ и обошла всѣхъ; то была на пергаментѣ картинка акварелью: на переднемъ планѣ стоитъ коза съ золотыми рогами. которую обѣими руками держитъ за рога, видимо съ напряженнымъ усиліемъ—Алашѣевъ, коза клонитъ голову внизъ, чтобъ бодаться: съ противоположной стороны у хвоста стоитъ полицеймейстеръ Петръ Ивановичъ Поль, въ правой рукѣ его длинный тростникъ, которымъ онъ хлещетъ брыкающуюся козу, бока и спина которой испещрены кровавыми ранами и въ воздухѣ, на голубомъ фонѣ, туча хлопьевъ козьей шерсти; внизу подъ козой растянувшись лежитъ жирный Петонди и обѣими руками доитъ козу; вмѣсто поддойника мѣшокъ, а взамѣнъ молока текутъ струи золота; вдали на пригоркѣ стоитъ Стрекаловъ въ сюртукѣ на распашку, безъ галстуха и жилета. въ правой рукѣ его лорнетъ, лѣвою онъ крутитъ усъ и изъ устъ его вылетаетъ слово: „тово“. Вся картинка исполнена до малѣйшей подробности съ видимымъ тщаніемъ и искусствомъ и всѣ физіономіи поразительно схожи.

Въ это время. въ Казани, проживала жена разжалованнаго изъ статскихъ совѣтниковъ въ матросы за буйство. госпожа Брандорфъ, личность чрезвычайно привлекательная. которая и понравилась вдовцу Стрекалову. Въ 1840 году мужъ ея умеръ, и Степанъ Степановичъ рѣшился на ней жениться, а по званію генералъ-адъютанта, онъ обязанъ былъ испросить на то разрѣшенія императора, то Стрекаловъ почелъ предварительно съ кѣмъ-то списаться въ Петербургѣ. и получивъ отвѣтъ, что надежды на разрѣшеніе очень мало, Стрекаловъ рискнулъ обвѣнчаться безъ разрѣшенія, о чемъ и донесъ самъ въ тотъ же день императору, послѣдствіемъ чего было, что онъ переименованъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ въ Москву.

Постъ казанскаго военнаго губернатора занялъ генералъ-адъютантъ Сергѣй Павловичъ Шиповъ: женатенъ, но бездѣтенъ, лѣтъ 60-ти. Онъ велъ жизнь замкнутую, и этотъ постъ занималъ не долго, онъ тоже получилъ назначеніе присутствовать въ Московскомъ Сенатѣ.

Степанъ Степановичъ, сдѣлавъ на Пасхѣ прощальные визиты, предполагалъ, по вскрытіи Волги, уѣхать, но много прощальныхъ обѣдовъ и баловъ задержали его; именитые татары не отстали и дали роскошный благодарственный ему праздникъ на прощанье.

Казань въ концѣ мая 1841 года съ ранняго утра рѣшительно вся была на ногахъ, это былъ день, когда всѣ собрались, чтобы проститься и проводить бывшаго добрѣйшаго военнаго губернатора Степана Степановича Стрекалова, и тутъ въ эти послѣднія минуты всѣми особенно было глубоко прочувствовано, съ кѣмъ пришлось разстаться. Отъ Казани до Волги семь верстъ, и это длинное пространство все было запружено всякаго рода людомъ, собравшимся низко поклониться отъѣзжавшему начальнику. Громадный паромъ, на которомъ слѣдовало переправляться на другую сторону Волги, устланъ былъ великолѣпными коврами, перила украшены были живыми цвѣтами, а на серединѣ стояло золоченое кресло для отъѣзжающаго. Паромъ почти тонулъ отъ массы мѣстной аристократіи, собравшейся на проводы. Два обширныхъ баркаса съ хорами музыкантовъ помѣщиковъ Толстого и Нейкова сопровождали паромъ, на слишкомъ четырехверстной переправѣ; очень много сказано было истинно задушевнаго прости и не мало горячихъ слезъ пролито было сирыми, которыхъ не забывалъ Стрекаловъ.

Тріумфъ при его отъѣздѣ былъ таковъ, каковаго ни ранѣе, ни позже въ Казани не бывало. Память о симпатичномъ Стрекаловѣ несмотря на отдаленность времени и по сихъ поръ еще жива между старожилами, искреннее уваженіе и расположеніе неоднократно выражалось тѣмъ, что кому изъ нихъ случалось бывать въ Москвѣ, то они считали непремѣнною и пріятною обязанностію навѣстить дорогаго старика.

Въ первый же годъ по его отъѣздѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ на обыкновенномъ ежедневномъ вечерѣ въ дворянскомъ собраніи, какъ-то случайно бывшемъ многочисленнымъ, кто-то вспомнилъ, что это день Ангела обожаемаго Степана Степановича. Вѣсть эта мгновенно разнеслась по всѣмъ заламъ, и раздались громкія требованія шампанскаго. Было уже далеко за полночь и веселый ужинъ шелъ, изобильно сопровождаемый тостами за отсутствующаго дорогаго именинника и его изящную семью. Наконецъ тосты смолкли и большая часть присутствующихъ встали изъ-за столовъ, чтобы расходиться, какъ въ это время поднялся съ своего мѣста правитель канцеляріи тогдашняго губернатора Шипова, Гарткевичъ и громко произнесъ: „господа, позвольте мнѣ предложить тостъ за настоящаго военнаго губернатора глубокоуважаемаго Сергѣя Павловича Шипова“, и потребовалъ шампанскаго, но черезъ минуту явившійся всѣми любимый экономъ дворянскаго собранія Иванъ Ивановичъ Гедлеръ объявилъ, что шампанскаго въ буфетѣ нѣтъ, и за позднимъ временемъ достать онаго нельзя, а осталась только шиповка, на что кто-то изъ присутствующихъ возгласилъ: „за здоровье Шипова можно выпить и

шиповки", многіе разсмѣялись, но эту неудобную остроту кое-какъ постарались замять и поторопились разъѣхаться, не выпивъ за здоровье Шипова, надъ чѣмъ въ Казани нѣсколько дней отъ души смѣялись.

Въ настоящее время родъ Стрекаловыхъ прекратился, потому что остающійся въ живыхъ престарѣлый сынъ его—бездѣтенъ.